

САБРИНА
ДЖЕФФРИС

Страсть
по завещанию

Сабрина Джеффрис
Страсть по завещанию
Серия «Халстед-Холл», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7062687
Страсть по завещанию: роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079415-7

Аннотация

Леди Селия Шарп решительно не желает выходить замуж, но таково, увы, главное условие, которое она должна выполнить, чтобы получить наследство.

Однако если у «нареченного» отыщется какой-нибудь тайный грешок, то помолвку можно будет расторгнуть.

Для поисков подходящего жениха леди Селия нанимает опытного частного детектива Джексона Пинтера.

Но смуглый красавец Джексон страстно влюбляется в Селию, и уж теперь ей никак не остаться старой девой...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	43
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сабрина Джеффрис

Страсть по завещанию

Роман

Пролог

Холстед-Холл, 1806 год

Селию разбудил шепот. Шептались взрослые, почему-то оказавшиеся в детской. Кто это, мама или няня? Каждая из них могла поставить ей на грудь ту гадость, которую она ненавидит. Няня называет ее горчичниками. Они скользкие, коричневые и отвратительно пахнут. Поэтому она лежала не шевелясь, даже когда запершило в горле и ужасно захотелось кашлянуть.

Когда эти взрослые остановились прямо у нее за спиной, шепот стал слышен лучше. Селия крепче зажмурилась в надежде, что ее оставят в покое.

– Мы можем увидеться в охотничьем домике, – прошептал один голос.

– Т-с-с, она может услышать, – так же шепотом ответил другой.

– Ерунда, она спит. И потом, ей всего лишь четыре года, и она ничего не поймет.

Селия нахмурилась. Ей уже почти пять. И она понимает. Много-много. Например, что у нее две бабушки: Нонна Лючия на небесах и Ба в Лондоне. И что ей приходится терпеть на груди горчичники всякий раз, как она закашляется. И еще что она самая маленькая в семье Шарп. Папа называет ее эльфом. Он говорит, что у нее остренькие ушки, но сама она так не считает. Она все время говорит ему об этом, но он в ответ только смеется.

– Все отправятся на пикник, – продолжал шептать первый голос. – Если ты сошлешься на головную боль и останешься, я смогу под шумок исчезнуть, и перед обедом часок-другой мы могли бы провести вдвоем.

– Не знаю...

– Давай, ты же знаешь, что хочешь этого, *mia dolce bellezza*.

Mia dolce bellezza? Папа так называет маму. Он говорил, что это означает: «моя милая красавица».

Ее губы дрогнули. Здесь папа. Когда бы он ни зашел в детскую, он рассказывал ей о своей матери Нонне Лючии и произносил забавные слова на итальянском. Она не знала, что такое «итальянский», но папа всегда вплетал их в свою речь, когда рассказывал истории о Нонне Лючии.

Значит, кроме него в детской еще и мама. А это означало, нужно продолжать притворяться спящей, чтобы не получить на грудь горчичник.

– Не называй меня так. Я этого терпеть не могу.

Почему мама так сказала? Неужели папа снова ее рассердил? Он часто заставляет ее сердиться. Ба говорила, что это из-за его «шлюх». Однажды она спросила няню, что такое шлюха, но та отшлепала ее и сказала, что это плохое слово. Зачем тогда папа имеет с ними дело?

Селия открыла один глаз и попыталась посмотреть, хмурится ли мама. Но оба стояли у нее за спиной, и, чтобы их увидеть, ей пришлось бы повернуться. А тогда они поняли бы, что она проснулась.

– Прости, дорогая, – прошептал папа. – Я не хотел огорчить тебя. Обещай, что придешь на свидание.

– Не могу, – последовал ответ после глубокого вздоха. – Я не хочу, чтобы нас застали.

Застали? Почему застали? Разве мама и папа собираются сделать что-то плохое?

– Я тоже, – прошептал папа. – Но сейчас нам не время пытаться сделать что-то...

– Знаю. Но я ловила ее взгляды. Мне кажется, она в курсе.

– Ты фантазируешь. Она ничего не знает. И не желает знать.

– Сюда кто-то идет. Скорее! Через другую дверь.

Почему папа с мамой испугались, что кто-то войдет?

Селия подняла голову, чтобы украдкой взглянуть на них, но с ее кровати главная дверь была не видна. В это мгновение отворилась дверь для слуг и девочка быстро опустила голову на подушку и притворилась спящей.

Это было нелегко. В горле першило все сильнее. Она пыталась сдержать приступ кашля, но не смогла.

– Ты опять кашляешь, дорогая? – спросила няня, подходя к кровати.

Селия смежила веки, но это не помогло: няня повернула ее на спину и начала расстегивать пуговицы на ночной рубашке.

– Я уже не кашляю, – попыталась сопротивляться Селия.

– Но если мы поставим горчичник, кашель совсем пройдет, – убеждала ее няня.

– Терпеть не могу горчичники, – запричитала Селия.

– Знаю, моя дорогая. Но ведь ты не хочешь, чтобы кашель тебя мучил вечно?

– Само собой, – нахмурилась Селия.

Няня начала о чем-то болтать, потом взяла стакан и налила в него жидкость из бутылочки.

– Выпей, тебе это поможет. – И она протянула Селии напиток.

У него был странный вкус, но девочку мучила жажда, и она выпила, а пока она пила, няня занималась горчичником.

Когда горчичник был готов, Селия уже засыпала. Ее веки отяжелели, и она даже не обратила внимания на противный запах.

Проспала она долго, а когда проснулась, няня накормила ее жидкой кашей и сказала, что до вечера горчичников не будет. Потом дала ей еще выпить странного напитка, и Селия опять погрузилась в сон. Когда она проснулась, было уже темно.

Она лежала и слушала, как ее сестра Минерва спорит с братом Гейбом, кому достанется последний кусок грушевого пирога. Селия была не против грушевого пирога, поскольку чувствовала сильный голод.

В детскую вошла няня с двумя мужчинами: учителем Гейба мистером Верджилом и любимым лакеем Селии Томом.

– Минерва, – приказала няня, – ты и Гейб отправляйтесь с Томом в кабинет. Бабушка хочет поговорить с вами.

Они ушли. Селия тихо лежала, не зная, что делать. Если Ба собралась угостить чем-нибудь Минерву и Гейба, она тоже не отказалась бы, но если няня опять будет ставить ей горчичник...

Лучше промолчать.

– Вы не собираетесь разбудить девочку? – спросил мистер Верджил.

– Пусть поспит. Со временем она обо всем услышит. Надеюсь, малышка не поймет, что произошло. Как я скажу ей, что ее родителей больше нет? Это ужасно.

Их нет? Как тогда, когда они уезжали в Лондон и оставляли ее, Минерву и Гейба в Холстед-Холле?

– И как могла ее светлость застрелить мужа? – продолжала няня. – Уму непостижимо.

Папа с гостями иногда ходил стрелять птиц. Ее старший брат Джаред рассказывал ей, как все бывает. Птицы падают на землю, и собаки их подбирают. И птицы уже больше не

взлетают. Но мама не могла застрелить папу. Наверное, это какая-нибудь другая «ее светлость». Их много съехалось на званый ужин.

– Очень печально, – проговорил мистер Верджил.

– И мы оба знаем, что эта сказка про воров всего лишь сказка. Возможно, ее светлость разозлилась на него за его шашни с «горлицами» и выстрелила.

– Миссис Платри говорит, что это был несчастный случай, – твердо проговорил мистер Верджил. – Если не хотите неприятностей, не пытайтесь это отрицать.

– Я знаю свои обязанности. Но то, что сделала ее светлость после того, как застрелила мужа... Как она могла оставить детей без отца и без матери? Какая мерзость!

Слово «мерзость» звучало отвратительно, и Селия вновь испугалась, что они имеют в виду маму.

– Доктор Сьюэлл указал причиной смерти «само-убийство», – сказал мистер Верджил и высокопарно добавил: – Трус выбирает смерть, храбрец продолжает жить. И я разочарован, что ее светлость оказалась трусихой.

Селия заплакала. Мама этого не делала. Мама не трусиха. Трусом быть стыдно, говорил ей папа. А мама всегда была храброй.

– Посмотрите, что вы наделали, – проговорила укоризненно няня. – Разбудили девочку.

– Мама не трусиха! – Селия села в кровати. – Она храбрая! Хочу ее видеть. Хочу видеть ма-аму!

Няня нагнулась и погладила девочку по волосам.

– Т-с-с, успокойся, моя дорогая. Все хорошо. Хочешь поесть?

– Нет! Хочу видеть маму! – продолжала она кричать.

– Я отведу тебя вниз, к бабушке. Она все расскажет.

Селию охватил страх. Почему они не позволяют ей увидеть маму? Когда она начинала кашлять, мама приходила по первому зову.

– Не хочу Ба. Хочу маму. – Она заплакала еще горше. – Хочу-маму-хочу-маму-хочу-маму...

– От плача ей опять станет плохо, – сказала няня. – Передайте мне успокаивающую микстуру, мистер Верджил.

Мистер Верджил недоуменно пожал плечами:

– Девочка со временем все равно узнает правду.

– Но сейчас она к этому не готова. – Няня взяла девочку на руки и поднесла к губам Селии чашку. Напиток оказал свое действие. Она едва не поперхнулась, но рыдания прекратились.

Няня дала ей выпить вторую чашку. Селия не сопротивлялась – ей хотелось пить. Проглотив жидкость, она прошептала:

– Хочу маму.

– Конечно, моя милая, – мягко проговорила няня. – Но сначала позволь твоей старой нянюшке спеть тебе песенку. Хорошо?

Ее веки снова отяжелели.

– Не хочу песенок, – жалобно сказала Селия, склонив голову на плечо няни. Потом посмотрела на мистера Верджила. – Мама не трусиха, – сердито бросила она.

– Конечно, не трусиха, – ласково отозвалась няня и протянула девочке игрушку. – Эту новую куклу дарит тебе мама.

– Леди Белл! – Селия прижала куклу к себе.

Держа девочку на руках, няня уселась в кресле-качалке и начала раскачиваться взад-вперед, взад-вперед.

– Какую песенку вы с Леди Белл хотите послушать, моя хорошая?

– Спой про «Уильяма Тейлора». Та дама в «Уильяме Тейлоре» не была трусихой и кое-кого застрелила.

– Вы слышите, мистер Верджил, – дрожащим голосом проговорила няня, – что хочет услышать девочка? Это ужасно!

– Она явно понимает больше, чем вы полагаете.

– Дорогая, откуда ты знаешь эту песню?

– Ее поет Минерва.

– Я не буду петь ее тебе, – сказала няня. – Я спою другую:

Дрема смежит твои глазки,
Ты во сне увидишь сказки.
Спи, хорошая, не плачь...

Селия резко ткнула няню в грудь. Ей нравилась эта колыбельная, но сегодня у нее не было желания ее слушать. Ей хотелось услышать песню о леди, у которой был пистолет и которая «застрелила любимого Уильяма, держащего за руку невесту». Капитан в этой песне сделал леди помощником на своем корабле, а она застрелила Уильяма. Значит, леди была храбрая, разве нет? И поскольку мама тоже кого-то застрелила, то и она храбрая.

«Но ведь она застрелила папу!» – пронеслось у нее в голове.

Этого не может быть. Мама не застрелила бы папу.

У Селии слипались глаза. Но ей не хотелось засыпать. Она должна объяснить, что мама не может быть «ее светлостью». Мама храбрая. И она скажет им об этом.

Потому что Селия тоже храбрая. Не трусиха... она никогда не трусит...

Глава 1

Илинг, 1825 год

Судебный следователь Джексон Пинтер вошел в библиотеку Холстед-Холла и застал там всего одного посетителя. Это его не удивило: он пришел рано, а среди Шарпов не было «жаворонков».

– Доброе утро, Мастерс, – сказал Джексон, поклонившись барристеру ¹, который сидел за столом, занятый изучением бумаг. Джилл Мастерс был мужем самой старшей из сестер – леди Минервы. Или, как она предпочитала себя называть, миссис Мастерс.

– Пинтер! – воскликнул Мастерс, взглянув на молодого человека. – Рад видеть вас, старина. Как дела на Боу-стрит?

– У меня все в порядке. Я даже выкроил время прийти сюда.

– Я слышал от Шарпов, вы приступили к расследованию обстоятельств смерти их родителей.

– Убийства, – поправил Пинтер. – Теперь мы в этом уверены.

– Хорошо. Я забыл, но Минерва говорила, что из найденного там пистолета не стреляли. Жаль, что никто не обратил на это внимания девятнадцать лет назад, ведь тогда расследование можно было бы начать сразу. Это позволило бы избежать многих неприятностей.

– Миссис Платтри отказалась от услуг всех, кто мог продолжать расследование.

– Не стоит ее за это винить. Она думала, что так можно будет предотвратить скандал.

Джексон помрачнел. На самом деле она предотвратила не скандал, а все попытки узнать правду. И поэтому пятеро ее внуков оказались заложниками прошлого и не могут распоряжаться своими жизнями. Старая леди выдвинула ультиматум: все они должны заключить брак до конца этого года, иначе будут лишены наследства. Почти все выполнили ее требование. Все, кроме одной.

Перед ним возник образ леди Селии, который он постарался скорее выкинуть из головы.

– Где же остальные?

– Еще завтракают. Я уверен, они скоро появятся во дворе. Садитесь.

– Я постою. – Пинтер подошел к окну, выходящему на Альый двор, названный так по цвету плитки, которой он был вымощен.

В Холстед-Холле Джексон всегда испытывал неловкость. От старого дома исходил густой запах «аристократии». Его раннее детство прошло в трущобах Ливерпуля, и лишь в десять лет он оказался в многоквартирном доме в Чипсайде. Поэтому Холстед-Холл всегда казался ему слишком большим, слишком помпезным и... кишачим Шарпами.

Они стали его клиентами, почти год назад, но он все еще не мог разобраться в чувствах, которые испытывал к ним. Даже сейчас, глядя, как они пересекают двор под затянутым тучами ноябрьским небом, он ощущал напряжение.

По их виду нельзя было сказать, что они готовы сообщить ему что-либо существенное. Они выглядели довольными и счастливыми.

Впереди шел сам лорд, Оливер Шарп, девятый маркиз Стоунвилл, почти точная копия своего отца: такая же смуглая кожа, черные глаза и черные волосы. Поначалу он вызывал у Джексона чувство презрения – он верил слухам, которые ходили о нем. Лишь позже Джексон понял, что ошибался. Хотя до сих пор считал, что Стоунвилл после смерти родителей

¹ В Англии адвокат, имеющий право выступать в суде. – *Здесь и далее примеч. пер.*

повел себя не очень достойно. Но сейчас он сильно изменился, поэтому и Джексон изменил к лучшему свое отношение к Стоунвиллу.

Рядом вышагивал лорд Джаред, чьи сине-зеленые глаза и черные волосы говорили о том, что он перенял черты и своего отца, наполовину итальянца, и светловолосой матери. Из всех братьев он больше всех нравился Джексону. С серьезным и уравновешенным Джаредом было легко найти общий язык. И недаром его предприимчивая бабка по материнской линии, Хестер Пламтри, именно ему поручила вести семейный бизнес, чем он успешно и занимался. Он управлял пивоварней Пламтри, за что Джексон готов был им восхищаться.

За ним шел лорд Гейбриел под руку с молодой женой, леди Гейбриел. Две другие женщины скорее всего не выходили из дома – леди Стоунвилл до родов оставалось около месяца, а вскоре после нее должна была родить леди Джаред. Но Джексон не удивился бы, если бы услышал, что прибавления ждут и в семье младшего из братьев. Эти супруги, похоже, очень любят друг друга, несмотря на то, что их брак был заключен по предварительному контракту: только чтобы выполнить условия нелепого ультиматума миссис Пламтри. Сейчас эта величавая женщина шла с другой стороны от Гейба.

Джексон восхищался решительным характером миссис Пламтри – она напоминала ему его собственную тетушку Аду, которая вырастила его и теперь жила вместе с ним. Никто не обладал таким авторитетом у наследников, как легендарная Хетти Пламтри, которая после смерти мужа сама, без всякой помощи, построила пивоварню. Но требования, которые старшая дама предъявила своим внукам, казались ему чрезмерными.

За ней через двор двигались две сестры. При виде младшей Джексон испустил глубокий вздох.

К окну подошел Мастерс и тоже выглянул во двор.

– А вот и она, самая прекрасная женщина в мире.

– Любого сведет с ума, – пробормотал Джексон.

– Осторожнее, Пинтер! – В голосе Мастерса появилась удивленная нотка. – Ведь вы говорите о моей жене.

Джексон вздрогнул. Он и не смотрел на миссис Мастерс.

– Прошу прощения, – тихо сказал он, считая более правильным не вступать в объяснения.

Мастерс никогда бы не согласился, что младшая и старшая сестры смотрятся рядом, как газель и породистая кобыла. Недавно женившийся барристер просто ослеплен любовью.

Но у Джексона глаза были открыты. Любог заметил бы, насколько младшая сестра привлекательнее старшей. Если старшая обладала ярким очарованием портовой девицы, то леди Селия была похожа на древнегреческую богиню – гибкую и стройную, с небольшой грудью и длинными ногами, изящными бровями и глазами лесной лани.

И нрава отнюдь не смиренного. Несколькими словами она могла заживо снять шкуру с мужчины.

От ее случайной улыбки у него буквально вскипала кровь.

Слава богу, ее улыбки никогда не доставались ему. В противном случае он мог бы повести себя так, как в фантазиях, которые терзали его со дня их знакомства – затащить в безлюдный уголок, чтобы безнаказанно украсть ее поцелуй. Своими тонкими руками, виделось ему, она охватила бы его шею и позволила делать с ней все, что ему было угодно.

Будь она проклята, но он никогда не позволял себе испытать к ней какие-то особые чувства. Впрочем, точнее было бы сказать – безответные. Он вообще редко позволял себе желать кого-либо, разве что случайную проститутку, когда у него не оставалось сил обходиться без женщины. Но вот сейчас он не мог справиться с собой.

Потому что в последнее время он очень редко видел ее. А ему нужно было, чтобы леди Селия постоянно находилась у него перед глазами. Только видя ее, он избавлялся от бесконечного желания невозможного.

Нахмурившись, Джексон отвернулся от окна. Но было поздно: облик леди Селии, в роскошном платье пересекающей двор, уже зажег огонь в его крови. Он никогда не видел ее в таком красивом платье. Обычно ее гибкую фигуру скрывал свободный балахон, который защищал повседневный наряд от пыли и грязи, когда она занималась стрельбой по мишеням.

Нынче же, в ярко-желтом платье, с тщательно уложенными волосами и браслетом на тонком запястье, она была жарким летним днем среди зимы, солнцем в темной ночи, музыкой в тихом и пустынном концертном зале.

А он был дураком.

– Я понимаю, почему вы решили, что она любого сведет с ума, – тихо произнес Мастерс.

– Ваша жена? – спросил Джексон, прикидываясь тупицей.

– Леди Селия.

Черт возьми! Видимо, его чувства оказались написанными на его лице. Все свое детство Джексон учился их скрывать, чтобы другие дети не знали, как прозвища, которыми они его обзывали, больно ранили его. Позже, занимаясь уголовными расследованиями, он оттачивал этот свой талант, поскольку знал, насколько важно умение не выражать внешне своих эмоций. Сейчас в разговоре с барристером он решил воспользоваться этой своей способностью.

– Так решил бы любой. Леди Селия – избалованная и капризная девушка. Она заставит своего будущего избранника страдать по любому поводу. Когда не будет стараться свести его с ума, – добавил он.

– Вы часто имеете с ней дело. – Мастерс поднял бровь. – Она вас интересует?

– Ни в малейшей степени. – Джексон заставил себя пожать плечами. – Поэтому вам придется искать какой-то другой способ, чтобы получить наследство вашей жены.

Он хотел уязвить Мастерса и таким образом сменить тему разговора, но Мастерс лишь рассмеялся:

– А вы собрались жениться на моей свояченице? Хотел бы я это видеть. Леди Селия вас терпеть не может, да и ее бабушка никогда не одобрит этот брак.

И это действительно было так. Девчонка почувствовала к нему мгновенную неприязнь, когда он помешал импровизированному соревнованию по стрельбе, которое она с братьями затеяла в общественном парке. Это должно было его насторожить.

К сожалению, не насторожило. Потому что, даже если бы она не относилась к нему с презрением и не находилась намного выше его по социальному положению, она никогда не стала бы хорошей женой. Эта молодая и избалованная женщина отнюдь не относится к тем, кто готов жить на жалованье рядового сотрудника уголовного суда.

«Но она получит наследство, если выйдет замуж», – мелькнула у него мысль.

Он сжал зубы. Из-за этого ситуация становилась только хуже. Она может подумать, что он хочет жениться на ней из-за этого наследства. И так же будут думать остальные. Подобное предположение больно било по его гордости.

«Грязный ублюдок». «Подонок». «Сукин сын». «Недоносок». Все эти эпитеты сопровождали его в детстве. Позже, когда он перебрался на Боу-стрит, все, кто завидовал его быстрому продвижению по службе, стали между собой называть его «безродным выскочкой». Он не хотел, чтобы в списке прозвищ появилось еще «охотник за приданым».

– К тому же, – продолжал Мастерс, – вы, видимо, не в курсе, поскольку давно не заходили к нам, но Минерва утверждает, что Селия нашла наконец-то трех достойных кандидатов в поклонники.

Джексон метнул на него быстрый взгляд. Поклонники? С его уст едва не сорвались слова: «Кто они?» – но в этот момент открылась дверь и вошел Стоунвилл. За ним появились остальные члены семьи. Джексон выдавил из себя улыбку и, пока все рассаживались, обменялся с ними любезностями. Из головы же не шли слова Мастерса.

У леди Селии есть поклонники. Достойные. Вот это хорошо. Больше он может не опасаться за себя, оказываясь около нее. Теперь она, благодарение небесам, вне досягаемости. Правда, и прежде до нее было не дотянуться, но все же...

– Есть новости? – спросил Стоунвилл.

– Да, – начал Джексон. Чтобы успокоиться и сосредоточиться на деле, он вздохнул: – Как вы знаете, камердинер вашего отца утверждает, что тот не был в связи с миссис Роуден.

– И я в это тоже не верю, в его связь с этой миссис, – согласился Стоунвилл, – хотя она пыталась заставить меня считать иначе, когда я... э-э... застал ее в своей комнате.

Если точнее, в постели его светлости. Вся семья знала, что миссис Роуден в день смерти их родителей соблазнила шестнадцатилетнего наследника, но никому из них не хотелось углубляться в эту тему, и меньше всего Стоунвиллу.

– Я в курсе, – сказал Джексон. – Но сомнение есть сомнение. Поэтому я пытаюсь получить подтверждение этому факту из другого источника.

– Какого источника? – заинтересовалась миссис Мастерс.

– От бывшей камеристки миссис Роуден, некоей Элси. Камердинер был не единственным лицом, посвященным в события личной жизни своего господина. Если ваш отец и миссис Роуден были любовниками, то, возможно, Элси тоже знала об этом. – Джексон остановился, чтобы перевести дух. – К сожалению, мне пока не удалось установить ее местопребывание.

– В таком случае, зачем вы нас здесь собрали? – спросил Джаред, как всегда, сразу переходя к сути дела.

– Потому что, разыскивая ее, я натолкнулся на странное обстоятельство. Похоже, последнее место ее работы было в Манчестере.

И если другим потребовалось время, чтобы осознать, что он имел в виду, Джаред и Гейб поняли все мгновенно. Они присутствовали на дознании, которое проводил Джексон в Холстед-Холле, когда некоторое время назад было найдено тело бывшего старшего конюха Бенни Мэя, который отправился в Манчестер якобы навестить приятеля.

– Вы же не считаете, что Элси как-то связана со смертью Бенни! – воскликнула миссис Платри с выражением ужаса на морщинистом лице.

– Не знаю, – отозвался Джексон. – Но смотрите, какое совпадение: Бенни поехал в Манчестер, где жила Элси, и вскоре, после его отъезда оттуда, она исчезла.

– Жила? – переспросил Гейб. – Значит, там она больше не живет?

– Именно так. Мне это кажется подозрительным. Как говорят члены ее семьи, она прислала короткую записку, в которой написала, что оставила свое место и направляется в Лондон искать другую работу. Конечно, она никогда не называла имени своего нанимателя. Они подозревают, что у нее был роман с мужчиной. Как бы то ни было, я пока не могу разыскать ее. И в Манчестере, похоже, никто ничего не знает. Правда, в той записке она пообещала семье написать, как только устроится в Лондоне.

– А не может быть так, что мы идем по ложному следу, связывая Элси и Бенни? – спросил Стоунвилл. – Власти сомневались, что он был убит. Возможно, он стал жертвой несчастного случая на охоте. Почему бы нет? А Элси могла переехать потому, что ей не нравился хозяин. Не исключено, что их пребывание в Манчестере в одно и то же время чистая случайность.

– Возможно, – согласился Джексон, хотя в его практике такие совпадения встречались редко. – Я узнал, что она была моложе вашей матери.

– И очень хорошенькой, насколько я помню, – добавил Стоунвилл.

– Странно, что миссис Роуден держала при себе молодую привлекательную камеристку, – заметила миссис Платри. – Это было неосторожно, зная мужскую сущность.

– Не все мужчины таковы, Ба, – твердо заявила миссис Мастерс.

Миссис Платри бросила на нее взгляд через стол и улыбнулась:

– Да, не все.

Джексон подумал про себя: Мастерс выглядит идеальным мужем, но кто знает, каким он был до знакомства со своей женой. Мужчины семейства Шарп, кажется, преданны женам. Но надолго ли это?

Его мать соблазнил в Ливерпуле аристократ, молодой нахальный лорд, любитель симпатичных девушек. Но в качестве жены этот мерзавец предпочел более состоятельную женщину, а мать сделал своей любовницей. Он оставил ее, когда Джексону исполнилось два года. Поэтому у него не было иллюзий по поводу того, что значит брак для аристократов.

«Не вини отца, – говорила мать, умирая. – Если бы не он, у меня не было бы тебя. Игра стоила свеч».

Он не был в этом уверен. В памяти то и дело возникало ее изможденное тело на кровати в доме его тети и дяди...

подавив раздражение, Джексон заставил себя сосредоточиться на деле.

– Теперь я жду сообщения от семьи Элси о месте ее проживания в Лондоне. Я запросил сведения из части, в которой служил в Индии майор Роуден. Мне ответили, что его на три года перевели на Гибралтар, и я послал ему письмо с просьбой ответить на вопросы, касающиеся достопамятного званого вечера. Пока я не получу ответа, я считаю нецелесообразным ехать в Манчестер и останусь в городе. – Он посмотрел на маркиза. – С одобрения вашей светлости.

– Вы совершенно правы, – пробормотал Стоунвилл. – Держите нас в курсе.

– Разумеется.

Это был сигнал к окончанию разговора, и Джексон направился к дверям. На сегодня у него была назначена еще одна встреча, и ему нужно было заскочить домой и захватить отчет, переписанный теткой. Только она могла превратить его каракули в человеческий текст. Если он сейчас освободится, то у него будет время поесть до того как...

– Мистер Пинтер!

Он обернулся и увидел, что к нему идет леди Селия.

– Да, миледи.

К его удивлению, она нервно оглянулась на открытую дверь библиотеки и понизила голос:

– Мне необходимо поговорить с вами с глазу на глаз. У вас найдется немного времени?

Ему едва удалось сохранить спокойствие. Леди Селия никогда не просила его о разговоре наедине. Это было так необычно, что от неожиданности он только кивнул и показал рукой на расположенную рядом гостиную.

Она пошла вперед, а войдя, остановилась и беспокойно огляделась, пока он приближался к ней, оставив дверь открытой, чтобы его не обвинили в нарушении правил приличия.

– Что случилось? – спросил он, стараясь говорить как можно равнодушнее, дабы скрыть свое удивление еще и тем фактом, что леди Селия казалась сейчас на редкость неуверенной. Он почувствовал сочувствие к ней.

– Прошлой ночью я видела сон. Но не уверена, что это был только сон. Я имею в виду, это, конечно, был сон, но...

– Можно ближе к делу, мадам?

Она подняла подбородок, и во взгляде ее появилась знакомая ему жесткость.

– Совсем не обязательно быть грубым, мистер Пинтер.

Он ничего не мог с собой поделать. Из-за близости к ней он чувствовал себя ужасно скованно. Он чувствовал запах ее духов, соблазнительную смесь... каких-то цветочных ароматов, с помощью которой аристократки подчеркивают свое очарование.

Ей нет нужды подчеркивать очарование.

– Простите меня, – извинился он. – Я тороплюсь в город.

Она кивнула, принимая извинение.

– Вчера я видела сон, который часто приходил ко мне в детстве. Я не знаю, произошло ли это из-за того, что мы сидели за работой в детской, или из-за того, что Аннабел и Мария обсуждали... – Заметив, что Джексон недоуменно поднял брови, она заговорила спокойнее: – Во всяком случае, когда он мне снится, в нем все так нереально, что мне кажется, это только сон, но сейчас... – Она сглотнула. – Я думаю, это может быть еще и воспоминание о дне, когда погибли мои родители.

Он насторожился.

– Но ведь вам было всего четыре года.

– На самом деле через несколько недель мне должно было исполниться пять.

Все правильно. Сейчас ей двадцать четыре, а убийство произошло в апреле девятнадцать лет назад.

– Почему вы думаете, что это воспоминание?

– Потому что папа назначил свидание в охотничьем домике.

У Джексона по спине пробежал холодок.

– Мне тогда показалось, что с ним была мама, но она вела себя как-то не так.

– В чем это выражалось?

– Папа часто называл маму «*mia dolce bellezza*», а та краснела и говорила, что он слепой. Ну а во сне, когда он назвал ее «*mia dolce bellezza*», она разозлилась. Сказала, что ненавидит это обращение. Разве вы не понимаете? Та женщина скорее всего обиделась, когда он назвал ее так, как называл свою жену.

– Думаю, вы могли бы узнать по голосу, была ли это ваша мать или кто-то еще.

– К сожалению, – вздохнула Селия, – они оба говорили шепотом. Я и папу узнала только по его «*mia dolce bellezza*».

– Понятно.

– Если это происходило на самом деле, значит, мама каким-то образом узнала об этом свидании. Поэтому она и попросила Бенни не говорить папе, куда она пошла. Ей хотелось застать их врасплох. И кто бы ни была та женщина, с которой папа хотел встретиться, она пришла туда раньше и застрелила маму.

– И когда там появился ваш отец, она застрелила и его? – в задумчивости спросил Джексон. – Когда была уверена, что ее любовник свободен и может жениться на ней?

На лице леди Селии появилось выражение неуверенности.

– Может быть, папа разозлился, что она убила маму. Может быть, они боролись, и пистолет выстрелил случайно.

– Тогда она должна была его предварительно перезарядить. Значит, она, его любовница, затаилась в ожидании вашего папы с заряженным оружием?

– Этого я не знаю. Я знаю лишь то, что слышала.

– Может быть, во сне.

– Может быть, – снова вздохнула она. – Именно поэтому я и обратилась к вам, а не стала упоминать об этом при всех. Я не хочу вносить дополнительные сомнения в это и без того сложное дело, пока у нас не будет полной уверенности.

– У нас?

– Да. Я хочу, чтобы вы точно установили, что было на самом деле.

Мольба, которая читалась в ее прекрасных светло-карих глазах, тронула его, но она просила невозможного.

– Не знаю, как я смогу...

– Во сне происходили и другие вещи, – поспешила добавить она. – В детскую вошли потом мистер Верджил, учитель Гейба, и моя няня. Я помню, она еще пела мне колыбельную. – Леди Селия вытащила из кармана сложенный лист бумаги и передала ему. Он неохотно взял его. – Я записала все, что смогла вспомнить, – продолжала она. – Я полагаю, вы могли бы переговорить с мистером Верджилом и няней и выяснить, правильно ли я запомнила те события. Если нет, то остальное не имеет значения. Но если я...

– Понимаю. – У нее действительно могло отложиться в памяти что-то важное. Но как отделить явь от сонных видений? Зерна от плевел?

Он быстро пробежал написанный чернилами текст, и что-то его насторожило.

– Няня не давала вам лекарство?

– Давала. Она называла его успокаивающей микстурой, – кивнула леди Селия. – Полагаю, именно вчерашний спор Марии и Аннабел об этой микстуре и напомнил мне мой сон.

– Вы знаете, что такие микстуры содержат опий?

– Неужели? – Ее лоб пересекли тревожные морщины. – То-то мои невестки говорили, что никогда не будут поить ими своих детей.

– Я слышал, врачи сомневаются в пользе лекарств с опиумом. – Джексон говорил, взвешивая каждое слово. – Вы, может быть, не осознаете этого, но опий иногда вызывает...

– Я знаю, – прервала она. – Иллюзии, которые не имеют отношения к действительности. – Селия испытующе взглянула на Джексона. – Но я чувствую всем существом, что разговор в детской действительно происходил. Я не могу этого объяснить и знаю, что могу ошибаться, но думаю, это не должно остаться без внимания, не правда ли? Если мы выясним, что это не сон, а воспоминание, то сможем восстановить, кто отсутствовал в доме утром того дня, и методом исключения узнаем имя папиной любовницы. – Она снова в упор посмотрела на Джексона. – Кроме того, няня давала мне микстуру после того, как я слышала разговор.

– Если только она не давала вам того же вечером накануне, чтобы вы крепче спали, – мягко возразил он.

Ее лицо мгновенно осунулось. Джексон уловил ее смятение и тут же поспешно произнес:

– Тем не менее я согласен, что этим стоит заняться. Ваша няня все равно стоит в моем списке лиц, которых нужно допросить, и мистер Верджил тоже, конечно, представляет интерес. Я поговорю с ними, и потом мы продолжим. – Он положил листок бумаги в карман сюртука. – Вы были правы, обратившись ко мне с этим делом.

Леди Селия улыбнулась, и это была первая улыбка, которую она подарила ему. От улыбки ее лицо снова ожило, стало мягче, и вся его душа запыхала.

– Спасибо, – сказала она.

– Пока не за что. – Помоги ему Бог сохранить рассудок. Джексон повернулся к двери. Нужно скорее бежать отсюда. Если она когда-нибудь догадается, что сотворила с ним, то безжалостно высмеет его за самонадеянность. – Если у вас все...

– На самом деле я хочу попросить вас еще об одной вещи.

Черт возьми, не успел вовремя убраться! Он медленно поднял на нее глаза.

– Да?

Она вздохнула и вскинула голову.

– Мне нужно, чтобы вы выяснили все о моих поклонниках.

Глава 2

Увидев, что густые брови мистера Пинтера сошлись в недовольной гримасе, Селия поняла, что он потрясен ее словами. Тонкие черты его лица еще более обострились, резче обрисовались скулы. Одетый в утренний костюм из черной саржи и белую сорочку, он весь теперь выражал мужское неудовольствие.

С чего бы вдруг? Ему известно, что она единственная осталась без «пары». Неужели он полагает, что она позволит себе лишиться братьев и сестер наследства, не выполнив жестокий ультиматум бабки?

Разумеется, именно так он и думает. Он с таким вниманием выслушал ее сбивчивые воспоминания о том детском сне, что она почти забыла: он ее терпеть не может. Иначе почему же тогда его темно-серые, как послегрозовое небо, глаза стали такими холодными и далекими? Этот окаянный самоуверенный молодой человек, всего лишь снисходящий до нее, такой... такой...

Мужественный.

– Простите, миледи, – как-то хрипло сказал он, – но я не знал, что у вас есть поклонники.

Черт бы его взял, но он же прав!

– Ну, это... не поклонники в полном смысле слова. Есть несколько человек, проявляющих ко мне интерес, но они еще не готовы сделать мне предложение. – Или даже выделить ее среди других девушек.

– И вы рассчитываете, что я выкручу им руки, и они попросят вас взять их в мужья? – растягивая слова, произнес Джексон.

– Не говорите ерунды. – Под его пристальным взглядом она залилась краской.

Вот это и есть настоящий мистер Пинтер, которого она хорошо знала и который награждал ее титулами «бессердечной светской леди» и «источника несчастий».

Ей в общем-то все равно, что мистер Пинтер думает о ней. Он был похож на приятелей ее брата, которых она встречала еще девчонкой, когда хвасталась своим мастерством стрелка, а также напоминал ей кузена Неда. «Тощая плоскогрудая сучка – в тебе нет ничего от женщины», – сказал он однажды.

«Пошел этот Нед к дьяволу!» – мысленно проговорила она.

С их первой... личной встречи прошло уже больше десяти лет, и фигура Селии с тех пор округлилась, а черты лица смягчились. Но она не смогла избавиться от необычно смуглой, как у отца, кожи, высокого роста и мальчишеской фигуры матери. У нее, к сожалению, сохранились те же прямые темно-русые волосы и невзрачные карие глаза.

Селия отдала бы многое за внешность своей сестры. Ей идет все, любой наряд. У нее волосы, которые можно заплетать в косы, перевивая их золотистыми ленточками, блестящие зеленые глаза и классически совершенные, как у римской скульптуры, черты лица. Селию часто признавали хорошенькой, но всегда уступающей Минерве...

Она подавила в себе зависть. Конечно, она не умеет бросать призывные взгляды – не то что ее сестра, – но есть и у нее свои привлекательные черты. Например, мужчинам легко с ней, поскольку она проявляет искренний интерес к их занятиям – оружию и стрельбе.

– Вам в это трудно поверить, мистер Пинтер, – гордо сказала Селия, – но некоторым людям нравится мое общество. Они считают, что со мной приятно проводить время.

– Вы правы. – Тень улыбки промелькнула по его красивому лицу. – Мне действительно трудно в это поверить.

Вот грубиян!